

КЪННГЪУНН — — книгочей

В поэме Андрей Вознесенского «Лонжюмо» есть такие строки — о парижской улице Мари-Роз:

...здесь он жил — как предгрозе тихий,
вождь, волжанин и *книгочей*,
очень трудно его постигнуть,
не постигнуть — еще трудней...

Впервые поэма была напечатана в «Правде» (13 ноября 1963), а затем появилась на страницах журнала «Знамя» (1963, № 11), где это четверостишие выглядело уже иначе:

...здесь он жил, как предгрозе тихий,
вождь волжанин и *книгочий*,
очень трудно его постигнуть,
не постигнуть — еще трудней...

При чтении этих строк поражает нарушение рифмы: *книгочий* — и *трудней*? По свидетельству самого поэта, эта правка была произведена без его ведома. Можно предполагать, что причина замены — слепое следование рекомендациям «Орфографического словаря русского языка», в котором нет слова *книгочей*, а есть только *книгочий*. Так кто же прав: поэт, употребивший форму *книгочей*, или заменивший ее на *книгочий* правщик, за спиной которого стоит авторитет словаря?

столицы по регби». Ну и что? Действительно, 10 октября, октябрь, в самом деле, уж наступил. И так может сказать или написать каждый. Может, но он должен помнить, что читатель знает про стихи Пушкина.

А дальше замелькали заголовки: «Надежды юношей питают» (18 октября) — о плохой работе студенческих столовых; 21 октября — «От Москвы до самых до окраин», «Я вам не скажу за всю Одессу»; 24 октября — «Как и прежде в строю»; 26 октября — «Все музы в гости... в Киевский район»; 27 октября — «Научись на гармошке играть»; 3 ноября — «Из тьмы лесов, из топи блат» и «Из реки по имени факт» (на одной странице два очерка о развитии деревни Дединово);

5 ноября — «Ярче тысячи солнц»; 11 ноября — «Кидовец — звучит гордо», 18 ноября — «Руку, товарищ далекий...», 21 ноября — «Наукой мобилизованные и призванные» (о студенческой научной работе); 28 ноября — «О времени и о себе» (о водителях 2-го троллейбусного парка); 29 ноября — «Мы не дрогнем в бою», «Что Хожув киевлянам готовит» (спорт); 30 ноября — «Была без радости победа», и т. д. и т. д., причем мы выпускаем ряд названий, которые нам кажутся уместными.

И если уж вспоминать русскую литературу, то нельзя не посетовать: «Не говори красиво».

В. О.

Мы спрашивали самых разных людей: оказалось, что для них привычно в смысле 'любитель чтения' слово *книгочей*; *книгочий* они воспринимают как нечто устаревшее. Более того: выяснилось, что это слово большинством воспринимается как сложное, с соединительным гласным *-о-* и тем же вторым корнем, что и в глаголе *читать*. На это, например, указывает в своем письме читатель В. В. Котельников, подчеркивая, что *книгочей* означает 'тот, кто читает книги' (см.: «Русская речь», 1967, № 5, раздел «Почта „Русской речи“»). Надо сразу же развеять иллюзию: это новое переосмысление слова, основанное на народной этимологии и вызванное чисто внешним сходством слова *книгочей* с такими сложными существительными, как, например: *водолей*, *брадобрей*, *мукосей*, *суховей*, где во второй части — корни глаголов, иногда с чередованиями (ср. *лечь*, *брить*, *сеять*, *веять*). Для глагола *читать* такое чередование в корне (чит-/чей) невозможно; в этом убеждают существующие сложные слова с корнем глагола *читать* во второй части — *звездочёт* (буквально: 'тот, кто читает по звездам'), диалектно-просторечное *книгочёт*, а также древнерусское *книгоцетец*, отмеченное в «Подлиннике иконописном» XVI века.

Но будем основываться не на восприятии говорящих, а на конкретных фактах истории языка. Обратимся к судьбе слова *книгочий* — *книвочей*, испытывавшего за долгое время своего существования множество своеобразных превращений.

1

Слово это, издавна известное древним памятникам в написании *книгъччи*, было заимствовано древнерусским языком из старославянского, так же, как и само слово *книга* (древославянское *книгъгъи*), от которого оно образовано. Оно употреблялось в древнейших славянских переводах церковных книг, часто в библейских и евангельских текстах, как перевод греческого слова *grammatéus* (образовано от другого греческого слова *grammata*, означавшего 'письменность', 'чтение, умение читать и писать', 'письменное послание, рукопись'); вошло в древнерусский язык в форме *грамота*).

Основное значение слова *книгъччи* в древних памятниках — 'знаюк церковных книг, законоучитель, начетчик', вообще 'ученый человек'. «О горе вамъ, книгъччи и фарисеи, лицемъри», — читаем уже в древнейшем из восточнославянских памятников «Остромирово евангелии» 1056 года. В церковной и (реже) светской переводной литературе русского Средневековья это слово встречается также в значениях 'секретарь, письмоводитель' и 'летописец, историограф'.

Установлено, что слово *книги* и производное от него *книгъччи* заимствованы старославянским языком из языка тюркского племени булгар, пришедших в VI—VII веках на Балканский полуостров и вступивших в контакт с южными славянами, которым они передали ряд тюркских слов. Таким путем эти слова попали в древнейшие переводы греческих церковных книг, созданные на южнославянской основе (язык этих переводов и называют старославянским). Предполагают, что слово, соответствующее *книгъччи*, в болгарском имело ударный суффикс *-ѣи* и звучало примерно как **küinigci* (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Перевод с немецкого. М., 1966). Поскольку в этом слове было непривычное для славян сочетание согласных *-gč-* (*-гч-*), между ними появился краткий ('редуцированный') гласный *ъ*: *книгъччи*.

Присутствующий в слове *книгъччи* суффикс *-ѣи* (*-чѣи*) — самый продуктивный общетюркский суффикс лица. Он не только выступает (в разных фонетических формах) во всех древних и новых тюркских языках, но и заимствован многими другими языками. Суффикс этот находим и в старославянском (ср.: *книги* — *книгъччи*), он стал использоваться даже в новых образованиях, произведенных уже не от тюркских корней, например: *крьмъччи* — от *кръма* (современные *кормчий* и *корма*), *банъччи* 'банщик' — от *бана*. Эти и другие слова с суффиксом *-ччи*, попав в древнерусский язык, стали в нем базой для целого ряда образований на *-ччи* от русских основ, преимущественно глагольных: ср. древнерусское *зѣдати* 'стронть' — *зѣдъччи*

современное *зодчий*), *ловити* — *ловчий* (ловчий), *жечи*, *жьгу* 'жечь' — *жегчий* 'истопник', *стряпать* 'прислуживать, улаживать дело' — *стряпчий* 'прислужник' (позднее 'ходатай по судебным делам') и др. С XIV века новые тюркские (татарские) заимствования оформлялись в русском языке в соответствии с действующими в эту эпоху фонетическими законами (о них см. ниже) уже иначе: казна — казначей, сурпа — сурначей, домра — домрачей и др.; от русского корня по этому типу (фактически с суффиксом *-ачей*) было образовано слово *трубачей* (см. об этом в статьях И. Г. Добродомова «Слова-путешественники» и «Еще раз о казначее, а также о трубачее». — «Русская речь», 1967, № 1 и 5).

Итак, тюркское по происхождению слово *книгъчии* проникло в древнерусский язык уже к XI веку книжным путем из старославянского. В памятниках оно употреблялось в двух вариантах: *книгъчии* и *книгъчииа*. Такая двойственность вызвана тем, что слово могло быть приспособлено к разным типам славянского склонения. Подобные колебания мы находим в древности у ряда других слов, например, древнерусские *соудии* и *соудииа* (современное *судья*), имя *Ереми* (Еремей) и *Иеремия* и др.

Ударение в слове *книгъчии* падало на предпоследний слог в соответствии с ударением тюркского источника на суффиксе *-чий*. До XII века это слово произносилось примерно так: *книгъчѣйъ* (ѣ и ѣ — особые краткие, «редуцированные» гласные, первый из которых был близок в произношении к очень краткому *ы*, а второй наоминал краткое *и*; *й* — согласный звук «йот»). Вариантная форма именительного и форма родительного падежей от *книгъчии* звучали так: *книгъчѣја* (на письме — *книгъчииа*).

В XI—XII веках в древнерусском, как и в других славянских языках, проходил звуковой процесс, известный под названием «падения редуцированных». Краткие гласные исчезли. В одних позициях в слове (так называемое «слабое положение») они выпали совсем, в других («сильное положение») переходили в обычные гласные (так называемого «полного образования»): редуцированный гласный ѣ перешел в *е*, а гласный ѣ — в *е*. Но в позиции перед звуком *й* изменение этих гласных в сильном положении было отличным от общего правила: ѣ и ѣ в древнерусском языке (как и в старославянском) сначала изменились соответственно в обычные гласные *ы*, *и* и лишь затем — не раньше второй половины XIV века и только в русском языке — преобразовались соответственно в *о*, *е*.

Если выделить редуцированный гласный в сильном положении полу-жирным прифтом, а в слабом положении — скобками, то можно видеть, что в форме *к(ѣ)ниг(ѣ)чѣй(ѣ)*, сильные и слабые редуцированные распределены иначе, чем в форме *к(ѣ)нигъчѣја*, где на конце был гласный полного образования. Поэтому в результате падения редуцированных форма *книгъчѣйъ* уже в XII веке стала приспособиться (передадим это средствами современного алфавита), как *книгчий*, а формы косвенных падежей изменились так: в родительном — *книгъчѣја* → *книгчѣя*, в дательном — *книгъчѣју* → *книгчѣю* и т. п.; ударение в этих формах принял на себя гласный, предшествующий редуцированному ѣ (который хотя и был ударным, но, находясь в слабом положении, выпал).

В дальнейшем, однако, вступила в силу другая тенденция, уже не фонетическая, а скорее морфологическая, — стремление к унификации (единообразию) основы; благодаря этому звучание различных форм одного слова сближалось. Отсюда наряду с формой именительного падежа *книгчий* под воздействием косвенных падежей возникло *книгчий* и — с сохранением ископного ударения — *книгочий*. Последнее, очевидно, уже в XIV веке превратилось в живое, разговорное русское слово в *книгочѣй*. К этой форме мы еще вернемся, а сейчас только отметим, что в памятниках письменности она совсем не встречается. Это и неудивительно: слово, проникшее в русский язык с церковными книгами, сохранило окраску церковной книжности и употреблялось по-прежнему главным образом в текстах религиозного содержания; поэтому переписчики книг долго еще, вплоть до XVI—XVII веков, продолжали писать его по-старому — *книгъчии*, *книжчии* или *книгочии*, а в произношении, несомненно, сохраняли более близкие к старославянской формы

книгбчий и *книгчий*. При этом ударение перешло на предпоследний слог не только в форме *книгбчий*, но и *книгчий*. Такое ударение находим, например, в «Хрошике Иоанна Малалы» (переводный памятник XIII века в списке XV века), где проставлены ударения: «Сй премоудрии списа Римладьскы книгчии Сервию» (Это записал премудрый римский книжник [историограф] Сервий); то же написание — в «Измарагде» по списку первой половины XVI века.

Показательно, что для русской церковно-книжной традиции вообще характерно противопоставление церковного произношения некоторых слов на -ий с ударением не на последнем слоге обиходному (светскому) произношению тех же слов на -ей с конечным ударением. Ср. хотя бы такие личные имена, как *Алексей*, *Сергей*, *Федосей*, и их церковно-книжные варианты *Алѣксій*, *Сѣргій*, *Феодосій*, или церковнославянские формы *вѣрбій*, *славій* рядом с соответствующими русскими *соробей*, *соловей*. Вот в русле этой книжной традиции и закрепилось слово *книгбчий* — *книгчий* в своей более архаичной форме и с ударением не на конце. Зато такие слова, как *казначей*, *домрачей* и др., которые проникли в язык не через церковные книги и не имели церковно-книжного оттенка, употреблялись только в русском произношении на -ей.

Из двух церковно-книжных вариантов *книгбчий* — *книгчий*, встречающихся в памятниках, второй употреблялся все реже и, по-видимому, со временем был совсем вытеснен. В памятниках с XVII века и во всех словарях русского языка XVII—XIX веков это слово уже последовательно фиксируется только как *книгочий*, в словарях — с ударением только на *о*. Древняя вариантная форма этого слова, относящаяся к другому типу склонения, — *книгочия* в именительном падеже — утратилась еще раньше, в XIV—XV веках (к тому времени она перестает встречаться в памятниках).

[2

В русском литературном языке нового времени (XVIII—XIX века) слово *книгбчий* употреблялось в трех различных значениях:

1. 'Письмоводитель, писец, секретарь или архивариус'. Это одно из древнейших значений, идущее от церковных книг, отмечалось уже в «Лексиконе славянорусском» Памвы Берынды (1627), а затем в «Словаре Академии Российской» (1789—1794) с примером из библии. То же значение ('письмовод') фиксируется как церковное и в Словаре В. Даля, а Е. И. Аркадьев в «Словаре библиофила» (М., 1890) отмечает: «*Книгбчий* — в древности так назывался приказный человек, находящийся при письменных делах, сведущий в письме и чтении».

В XIX — начале XX века это значение, несомненно, уже очень устарело. «Словарь русского языка, составленный II Отделением Академии наук» (СПб., 1910) иллюстрирует его только цитатами из «Книги бытия моего» археолога XIX века, епископа Порфирия Успенского (вроде: «Молодой князь Петр Трубецкой, книгочий нашего посольства в Константинополе»).

2. 'Ученый человек, знаток книг, книжник' — значение, также восходящее к старославянскому. Оно фиксируется Словарем Даля как церковное. «Словарь русского языка, составленный II Отделением АН», в качестве примера на это значение приводит заглавие стихотворения поэта середины XIX века П. Ф. Щербины, окрашенное изрядной долей иронии по отношению к 'ученым мужам': «Напутственное послание к некоему бессребреннику и московскому книгочию, старцу***, отправляющемуся на казенный счет изучать монголов на месте». Синоним слова *книгбчий* в этом значении — *книжник*.

3. 'Любитель чтения книг' — значение, развившееся на русской почве из предыдущего. Впервые оно отмечено также в Словаре В. Даля ('любитель чтения, много читающий'), однако его можно встретить уже в литературе конца XVIII века. Например, поэт И. Ф. Богданович в сборнике «Русские пословицы» (1785) приводит такое стихотворное изречение:

За разум хватился книгбчий Памфил,
Распродавши-де книги, да карты кувил.

А Василий Березайский, автор очень занятной книжки «Анекдоты древних поихонцев» (СПб., 1798), в предисловии, озаглавленном по моде того времени «Любодев к Словохоту», пишет: «Я хочу, собрав несколько сего рода повестей, выдать оные в свет сперва небольшою книжкою для увеселения читателей... Ибо я надеюсь ею сделать угождение всем книголюбим». Здесь особенно очевидно, что речь идет просто о любителях занимательного чтения.

Синонимом слова *книголюбий* в этом отнюдь не религиозном значении было *книгоцѣт*, отмеченное как «простонародное» в «Общем церковно-славяно-русском словаре, составленном П. Соколовым» (СПб., 1834), а в «Словаре библиофила» Е. И. Аркадьева снабженное толкованием: «Простонародное название любителя читать книги».

В литературном языке XIX века слово *книголюбий* во всех значениях было малоупотребительным и носило оттенок книжности, архаичности. Об этом косвенно свидетельствует почти полное отсутствие его у писателей-классиков XIX века и крайне скудная, без иллюстраций, разработка в Словаре Даля. В начале XX века это церковно-книжное слово было совершенно вытеснено из употребления собственно русским по форме и частично совпавшим с ним по значению словом *книгоцѣй*, пришедшим в литературный язык из народно-разговорных источников.

3

Впервые слово *книгоцѣй* встречается в художественной литературе у П. И. Мельникова-Печерского (1875): [Патап Максимыч:] «— Ты ведь, слышал я, грамотей, книгоцѣй. — Читаем помаленьку, — молвил Алексей»; [Мать Платонида:] «Знаю я Якимку. Экой вор какой!.. А еще все о божественном — книгоцѣй» («В лесах»). Мельников-Печерский был еще и крупным этнографом, знатоком быта старообрядцев-керженцев, сохранивших старинные обычаи и особенности языка. В его романах отразился живой говор крестьян-староверов Заволжья. Известный языковед Евгений Будде в статье «Сочинения П. И. Мельникова (Андрея Печерского), как лексический материал русского литературного языка» писал, что диалектные слова, приведенные в романах Мельникова, «могли бы во многих отношениях пополнить знаменитый Словарь Даля и содействовать определению взаимоотношений русских говоров по данным ударения и лексики» («Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 226). Приводя небольшой список слов из произведений Мельникова, Будде впервые обратил внимание на слово *книгоцѣй* с оригинальным ударением и сопоставил его с древнерусским *книгѣчи* (там же, стр. 227).

Следовательно, русские крестьянские говоры, прежде всего староверческие, были той средой, которая сохранила архаичное слово *книгоцѣй* в его живом природно-русском фонетическом облике, ни разу не отмеченном ни в памятниках письменности, ни в словарях. Основное значение этого слова — «любитель чтения, грамотей» — развилось (что естественно для грамотеев из народа, а для старообрядцев в особенности) из «знаток церковных книг» и совпало с третьим, наиболее «светским» значением *книголюбий* «любитель чтения».

Вслед за статьей Будде слово *книгоцѣй* было зафиксировано с пометой «областное» и с примером из Мельникова-Печерского в «Словаре русского языка, составленном II Отделением АН» и с пометой «диалектное» в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского (М., 1914).

К этому времени (начало XX века) *книгоцѣй* «любитель чтения, грамотей», иногда с оттенком «знаток церковных книг», уже употреблялось в художественной литературе такими ценителями народного языка, как В. Г. Короленко и М. Горький. Например: «Говорят: книгоцѣй был. Умирал, все называл детям: главное дело за грамоту держитесь крепче» (Короленко. Последний луч); «Эх, Матвей, хорош ты был дитя! А стал книгоцѣй, богосд...» (Горький. Исповедь); «Старшой — певчий хороший — был сумасброд, книгоцѣй» (Горький. Нилушка); «Мне говорили: — Эх, ты, книгоцѣй! Ты за что деньги получаешь?» (Горький. В людях).

В советскую эпоху слово *книгочей* завоевывает себе прочное место на страницах художественной литературы. Этот облик оно сохраняет даже в исторических романах, употребляясь в старом церковном значении, например: «Стали звать и опрашивать всех монахов... Один из всех не явился: книгочей, справщик книг диакон Таисий» (Чащыгин. Гулящие люди); «Дмитрий не любит книжников... Он жалеет время на книги и на молитвы и книгочеев гнушается» (Бородин. Дмитрий Донской).

В наши дни слово *книгочей* в значении 'любитель чтения книг' широко употребляется в прозе, поэзии, публицистике. Вот несколько примеров: «Несмотря на разницу в годах, они [Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц] сдружились за несколько дней: оба они были страстные книгочеи» (Фадеев. Молодая гвардия), «Много дней, Много длинных ночей Прожил я — Книголюб, книгочей...» (Темин. Да и нет); «Петр Репин? Милейший человек! Какой эрудит! Будущий Спиноза! Стащил несколько сот книг? Так он же книголюб. Книгочей! Книгоман!» («Вечерняя Москва», 21 октября 1963); «Детство журчало, как ручей, Меж невысоких холмиков книг, А я, начетчик и книгочей, По-своему разбирался в них» (Слущкий. Польза спорта); «Очень интересно, — заговорил опять городской книгочей. — Вот ведь какое дело! И как же вы ее приготовили, рябину?» (Яшин. Угощаю рябиной) и др.

В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в одноименном Словаре С. И. Ожегова это слово отсутствует (результат влияния пометы «областное» в «Словаре» II Отделения АН?), но в обоих академических словарях — семнадцатитомном и четырехтомном — *книгочѣй* (и только *книгочѣй*, а не *книгобчий*) фиксируется в значении 'любитель чтения, книжник' с примерами из Мельникова-Печерского и Фадеева. Правда, сто́ит поспорить с пометой «устаревшее», данной в обоих словарях. Как показывают хотя бы приведенные здесь примеры, слово это ныне завоевало большую популярность в различных литературных жанрах. Можно было бы согласиться с пометой «книжно-литературное», но никак не «устаревшее». Синонимы слова *книгочей* в современном языке — *книжник* 'любитель и знаток книг', *книголюб* и *библиофил* (с оттенком значения 'собиратель книг', которого нет у слова *книгочей*).

Итак, *книгочѣй* — единственная в наше время живая и употребительная форма этого слова. Вариант *книгобчий*, вышедший из употребления уже в начале XX века, казалось, ныне прочно забыт, если бы... если б не попавший в «Орфографический словарь русского языка» в 1956 году и механически повторенный во всех его изданиях (вплоть до 6-го, 1965) *книгобчий*, этот незаконнорожденный гибрид современной формы *книгочѣй* и старой *книгобчий*. И ошибка «Орфографического словаря» стимулирует на страницах газет и журналов чуждое современному русскому языку употребление. Например: «В округе он считался книгочием» («Октябрь», 1964, № 2); «Видимо, гитлеровские главари не принадлежали к числу книгочиев» («Звезда», 1964, № 2); «Пивоваров один из лучших учеников, книгочий, перечитал все книги в школьной библиотеке» («Москва», 1964, № 5); и даже «Клуб заядлых книгочиев» — постоянная рубрика «Комсомольской правды» в 1966 году. А в научно-фантастической повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (М., 1966), в которой это слово встречается весьма часто, можно увидеть оба написания: и *книгочей* и *книгобчий*.

И пока не будет исправлена ошибка в «Орфографическом словаре», будут возможны и превращения, подобные происшедшему со строкой Андрея Вознесенского в журнале «Знамя».

Закончив эту статью, мы обнаружили в сборнике «День поэзии. 1967», в переводе стихотворения М. Турсун-заде «На книжном базаре», строки:

Вослед книголюбу входил *книгобчий*,
И думал поэт, не свода с них очей...

Кандидат филологических наук
В. В. ЛОПАТИН.

Научный сотрудник Института русского языка АН СССР
Б. С. ШВАРЦОФ